

Д. М. Буланин

**«Учитель» – профессия или конфессия?
 («Дети нарочитые чади» князя Владимира и их судьба
 в допетровской Руси)***

Книга в Древней Руси изначально понималась как элемент церковной культуры, а потому отделение технологических приемов (чтение и письмо) от содержания рукописного кодекса представлялось кощунственным. Такова причина, по которой с древнейших времен (рассказ «Повести временных лет» о князе Владимире, отбивавшем детей «на ученье книжное») на Руси не укоренилась школа – ни латинского, ни византийского типа. Премудрости грамоты постигались имплицитно – по ходу знакомства с Псалтирью и Часословом, знакомство с отвлеченными словесными науками вообще не было предусмотрено. Подобного рода культурные стереотипы оказываются необыкновенно устойчивыми, так что реликтовые явления, демонстрирующие неотделимость школьных наук от конфессии, сохраняются вплоть до конца средневековья, их отголоски могут быть опознаны в интригах, сопровождавших открытие Московской академии в конце XVII в. Одним из носителей традиции выступает лексика. В статье прослеживается употребление некоторых терминов древнерусского языка, связанных с процессом постижения грамоты – обозначение регуляторов этого процесса. Выясняется, что в культурном обиходе, на протяжении всего почти средневекового периода, антонимами выступали слова «учитель» и «мастер». Первое из слов ассоциировалось с благочестием, вплоть до того, что обыкновенно стать «учителем» мог только носитель духовного сана, а немотивированное использование термина вызывало резкий протест. Что касается слова «мастер», лишённого сакральных коннотаций, то применительно к обучающему грамоте наставнику его старательно избегали (в статье объясняются и редкие исключения из общего правила, попадающиеся в источниках не ранее XV в.). Вопреки историографическому мифу, никакой институционализированной должности «мастера грамоты» в Древней Руси не существовало.

Ключевые слова: книга, чтение, письмо, школа, академия, конфессия, учитель, духовник, мастер грамоты.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137-П.

На протяжении нескольких веков – вплоть до позднего Средневековья – Древняя Русь не знала ничего, подобного византийским школам, унаследовавшим эллинистическую систему языческого образования, или монастырским школам латинского Запада. Книга и находящиеся в ней знаки (слова и буквы) были элементами церковной культуры, и любая с ними манипуляция расценивалась как конфессионально значимая. Поэтому кощунственной, как кажется, представлялась сама мысль об отделении технологических приемов чтения и письма от содержания книги, имевшей, естественно, церковное назначение, ибо книг другого рода тогда попросту не существовало. Основы грамоты усваивались в процессе знакомства с конкретными текстами – теми, что входили в состав Псалтири и Часослова. А функция медиатора в постижении наук отроком, скорее всего, входила в число многочисленных обязанностей духовного отца. Сказанное нетрудно подтвердить многочисленными – и прямыми, и косвенными свидетельствами. Пожалуй, особенно многозначительны рассказы, где процесс постижения грамоты сопровождается чудом – вмешательством потусторонних сил. Такова не только известная глава из Жития Сергия Радонежского, находящая близкие параллели в памятниках византийской агиографии («Яко от Бога дасться ему книжный разум, а не от человек»; ср.: Буланин 1986)), но и чудо об отроке, шедшем «учиться книгам», из Жития Димитрия Прилуцкого, когда сама нечистая сила вздумала воспрепятствовать благочестивому намерению учащегося (Преподобный Димитрий Прилуцкий 2018: 106).

Не позднее XVI в., когда быстрыми темпами формировалась идеология «священного» Московского царства, к русским книголюбам приходит сознание того, что отсутствие у их предков каких-либо учреждений для постижения грамоты является ощутимым изъяном в начальной истории Руси. Отражением этого хода мыслей можно считать приукрашиваемые – чем дальше, тем больше, – переложения известного летописного рассказа о том, что князь Владимир, после крещения, стал отдавать «на ученье

книжное» детей «нарочитые чади». Как окончательно и бесповоротно доказал Х. Кайперт, приведший близкие параллели к летописному рассказу из западных источников, действительной целью мероприятия (имело ли оно место в действительности или – что более вероятно – присочинено задним числом составителями «Повести временных лет») было воспитание миссионеров (Keipert 2009). Между тем, в интерпретации московских книжников, с удивительной настойчивостью возвращающихся к этому эпизоду и переиначивающих его на свой лад, князю Владимиру вменяется в заслугу создание по всей Руси целой сети начальных школ. Поскольку в Московской Руси учреждение школ грамотности долго еще оставалось несбыточной мечтой, подобные исторические мифы, отнесенные к X в., были вполне безобидным средством удовлетворить имперские амбиции возвышающегося царства¹. Романтизация прошлого как пропагандистский ход создателей новой имперской идеологии, в том числе сказка о существовавших некогда во множестве первоклассных училищах, налицо в целой серии официальных памятников XVI в. (Никоновская летопись, «Степенная книга», «Стоглав»). Из них «Стоглав» интересен тем, что там – в гл. 25 рисуется путь, долженствующий вернуть Русь к утраченной идилии, причем предписывается энергично создавать училища лицам духовного звания. Любопытно, что даже в этих смелых планах обучение предполагается оставить камерным – «в домех» у священников, диаконов и дяков. Впрочем, надлежит помнить, что «Стоглав» нельзя рассматривать как официальный документ, соответственно, и все его строгие меры по восстановлению приличного для «священного царства» благолепия, включая начальные классы, остались только скромными пожеланиями. Современные источники не оставили сведений о массовом открытии училищ, описанных в

¹ О поэтапной кристаллизации этого мифа см.: Keipert 2009: 37-40; Буланин 2012.

гл. 25. О существенной задержке в реализации мечты свидетельствует, между прочим, отсутствие на Руси специальных пособий для развития элементарных навыков чтения и письма. В самом деле, никаких букварей или азбук до XVI в. на Руси не существовало и в помине, и все домыслы на эту тему остаются беспочвенными домыслами (см., например: Живов 2017. Т. 1: 228 примеч. 105, 679; Т. 2: 839). Первые печатные пособия такого рода появляются не в Москве, а в Литовской Руси (издания Ивана Федорова), так что, при реалистическом подходе к материалу, летопись русской школы начального уровня приходится вести не ранее, чем с XVII в. Тогда именно буквари становятся важным звеном в продукции Московского Печатного двора и впоследствии превращаются в обязательный атрибут школы как самостоятельной организации.

Констатируя первые намеки в XVII в. на школу первичного уровня, мы при этом обратим внимание на некоторые ее свойства, которые были обусловлены многовековым существованием русской книжной культуры предшествующей стадии в лоне церкви. Не случайно, конечно, московские буквари издавались Печатным двором, репертуар которого ограничивался церковно-служебной литературой. Эти буквари являются органической частью церковной культуры не только по содержанию (ср. Мошкова 2013), но и потому что сам школьный процесс мыслился как своеобразный церковный обряд. Неотделимость школы от тела церкви остается конституирующим фактором всех педагогических затей, имевших место до конца XVII в., а в какой-то мере этот фактор предопределил и повороты судьбы в истории русской школы постсредневекового периода – вплоть до новейших времен. В частности, идеал школы любого уровня исключает в России узкую ученую специализацию, немотивированное нагромождение бесполезных знаний (отсюда левая и правая оппозиция столь любезной либералам классической гимназии с ее «интеллектуальным тренингом») и, напротив, подразумевает моральную составляющую. «Грамотность не есть

просвещение», как удачно выразился один из православных публицистов XIX в. (Виктор 1865: 2). Кроме того, идеал русской школы всегда подразумевал всесловную ее ориентацию (Соболевский 1892: 22). Нетрудно заметить, что перечисленные три признака (экзотеричность, этичность, общедоступность) суть прямое следствие церковного духа, так и не выветрившегося до конца в России из стен ее учебных заведений. Не следует, правда, забывать, что речь идет об идеальном педагогическом учреждении – утопии, не имевшей шанса полностью воплотиться в жизнь. Тем не менее, умозрительный образ школы, с которым приходилось считаться любителям дидактических экспериментов, вырисовывался отчетливо: «В ней не было многоучения. Курс ее невелик по объему, но глубок по содержанию. Если бы в истории этой школы не было внезапного, насильственного перерыва, то, быть может, Русь имела бы ныне свою самобытную систему обучения, не похожую на западноевропейскую, не уступающую ей в научном отношении, но более сильную, живую, объединяющую весь народ, основанную на вечно живых началах вселенской истины... Равенство образования, соединявшее все сословия допетровской Руси в одно целое, было нарушено реформами XVIII века, народ остался при старой школе, которая, без всякой поддержки и даже теснимая правительством, стала упадать количественно и качественно; высшие сословия пошли другим путем, усвоив себе если не дух, то формы европейской образованности... Естественный ход русского образования был прерван. Новое образование отделило народ от высших сословий. Связующая тех и других нить порвалась» (Миропольский 2006: 328).

Зная вождеденный, но недостижимый образец, мы лучше пойдем нелегкий путь, который пришлось пройти на Руси при ее возникновении школе повышенного типа, включающей, по меньшей мере, курсы словесных наук. Долгое время не получалось наладить на постоянной основе даже обучение греческому языку, столь потребное для овладения этими науками, хотя попытки в данном направлении

предпринимались на протяжении всего XVII в. и хотя собор 1666-1667 гг. давал по сему поводу настойчивые рекомендации. Обучение одного-двух человек не решало вопроса и не бралось в расчет – такова именно причина, почему педагогические упражнения московских интеллектуалов прежде 1680-х гг. не нашли отражения в современных источниках (Фонкич 2009: 82; ср. Лукичев 1983 (то же: Лукичев 2004: 344-351); Володихин 1993: 11-20). Мирские науки прочно укореняются в Москве только с 1681 г., когда открыта была так называемая Типографская школа иеромонаха Тимофея, а в 1685 г. начались занятия в Божоявленской школе братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. В 1687 г. братья Лихуды переместились со своими учениками в двухэтажные палаты, выстроенные специально под училище на территории Заиконоспасского монастыря. Этот год и принято считать годом открытия Московской Славяно-греко-латинской академии. Впрочем, значение приведенных дат не следует абсолютизировать: примечательно, например, что Федор Поликарпов, успевший поучиться сначала в Типографской школе, а потом у Лихудов, в своем «Историческом известии о Московской академии» соотносил (неважно – правильно или ошибочно) академический «Привилий» Симеона Полоцкого-Сильвестра Медведева со школой иеромонаха Тимофея (Историческое известие 1791: 297). Важнее, нежели трудно уловимая для непосвященного разница между училищами среднего и высшего уровня (Фонкич 2009: 160-173; Тимошина 2010: 668-683), был сам факт появления в столице заведений, принципиально отличающихся от входивших тогда же в быт школ грамотности. Если с последним признаком идеальной русской школы (общедоступность) все было в порядке и в Типографской школе, и в академии, то несоблюдение остальных двух признаков (экзотеричность, этичность) смущало умы. Другой уровень знаний, знаний относительно специализированных, с курсами внецерковных наук, требовал нестандартного инструментария для налаживания работы всего школьного механизма, который бы позволил хотя бы

отчасти согласовать и примирить новозаведенный феномен с устоявшимися на Руси представлениями о школе, находящейся под опекой церкви и назначенной поддерживать незыблемость православных преданий. Загвоздок было много, начиная с формирования учебника как особого типа книги (История 1995: 66-67²). Загвоздки возникали даже при описании действий школьного механизма. Перечисленные учебные заведения могут быть поняты, только если определить их как переходное явление, в конечном итоге, отрывавшее своих воспитанников от средневекового начетничества и приучавшее их к мирским «свободным наукам». Как и во всяком переходном явлении, в московских высших школах новое наслаивалось на не сдающее свои позиции старое, которое и спровоцировало острые конфликты с религиозной подоплекой, раздиравшие русскую академию до конца столетия. Именно на реликты старины, рельефно проявившиеся, среди прочего, в борьбе за право курировать новосозданные высшие школы Москвы и в конкуренции за место академических педагогов, я бы и хотел обратить внимание в нижеследующих заметках. Своеобразным индикатором нам будет служить слово «учитель» в сопоставлении с родственными ему определениями наставника, какие употреблялись в эмансипирующихся от церкви училищах.

Тут необходимо отступление. На тот момент, когда при Печатном дворе начала действовать школа иеромонаха Тимофея, среди русской пишущей братии наметилось размежевание, значение которого в историографии до недавнего времени сильно преувеличивалось. Одна группа книжников, получивших прозвище «латинствующих», ориентировалась в своем творчестве на последние достижения латинско-польского барокко, другая группа, представители которой именуются «грекофилами», отдавала предпочтение греческой литературе, преимущественно периода туркократии. Однако общих черт между «латинствующими» и

² Автор – Д. М. Буланин.

«грекофилами» оказывается, на проверку, гораздо больше, чем различий (см. подробнее: История 1995: 69-70³; Живов 2004: 7-34; Podtergera 2006). Те и другие, если брать главных персонажей, были представителями черного духовенства, те и другие отличались особенной плодовитостью, свойственной творцам литературному барокко, высоко ценили гуманитарную образованность, да и выступали они в родственных жанрах. Поздняя греческая литература вообще часто разнилась от современной ей латинской только лишь языком, а «греко-славянское» наречие, которое пытались конструировать «грекофилы», не пошло дальше неудобочитаемых опытов. Культурной средой, откуда вышли Симеон Полоцкий и Епифаний Славинецкий, незаконно противопоставленные друг другу их преданными учениками Сильвестром Медведевым и Евфимием Чудовским как герольды «латинского» и «греческого» направлений, – культурной средой их был коллегиум иезуитского образца, по шаблону которого указанные ученики мыслили устройство будущей Московской академии. Педагогическая система иезуитов рассматривалась в те годы как наиболее совершенная, так что ее неминуемо усваивали, независимо от их вероисповедания, все устроители новых учебных заведений. (Кстати, система не утратила своей привлекательности и сегодня, как показывает возрождение ее основоположений в методах классической гимназии⁴). Выбор греческого или латинского языка имел при этом факультативное значение (Podskalsky 1988: 46-67; Bushkovitch 1992: 152-160, 172-174). Однако же, когда открыли свои двери московские высшие школы, культурные симпатии представителей двух направлений («латинского» и «греческого») заявлены были ими довольно решительно. Сказались они и на употреблении некоторых ключевых слов, в частности, слова «учитель».

³ Автор – Д. М. Буланин

⁴ Описание педагогической методики иезуитов см.: (Mertz 1898).

В старой Руси слово это имело два смысла, неравновеликих по своей относительной ценности: «учителем» называли 1) наставника в вопросах веры и 2) наставника в искусстве чтения и письма. Между двумя значениями установилась трудно уловимая для нашего уха корреляция, суть которой сводится к тому, что «учителем» во втором значении могли именовать лишь человека, утвержденного на должность по первому значению или стихийно облеченного особой божественной благодатью. В средние века люди чутко реагировали на пренебрежение такими смысловыми нюансами. Приведу случай с явившимся в середине XVII в. в Москву греческим архимандритом Венедиктом как классический пример взаимного непонимания представителей двух культур. Гость представил себя как «великий архимандрит и учитель и богослов Великой церкви» (ὁ τῆς Μεγάλης ἐκκλησίας μέγας ἀρχιμανδρίτης τε θεολόγος καὶ διδάσκαλος), что являлось его официальным титулом, но что в Москве сочтено было нескромным и неприличным самовосхвалением: «При патриархе ж меньшему от него в чину не достоин учителем нарещися, а еже богословцем, и о сем мною, яко безсловесну дерзость» (Каптерев 1914: 484, примеч. 1; подробно о Венедикте см.: Фонкич 2009: 27-41). Ясно, что терминологические трудностикратно возросли, когда в Москве появились заведения, хотя и остававшиеся в ведении церкви, но распространявшие мирские науки. Всегда ли и всегда ли безоговорочно, при таком положении вещей, можно было называть наставников юношества «учителями»? Каковы были необходимые и достаточные признаки «учителя»? Кажется, это один из пунктов, по которым мнение так называемых «латинствующих» и так называемых «грекофилов» не всегда совпадало.

Рассмотрим несколько памятников, начав с тех, что относятся к казусу, который, похоже, послужил спусковым крючком для последовавших многолетних раздоров вокруг Московской академии. Не успела открыться в 1681 г. Типографская школа, в столице объявился независимый претендент на место преподавателя «свободных наук». Это

был связанный с польскими кальвинистами, исколесивший Европу и весьма искушенный в науках шляхтич Перемышльского повета Ян Белобоцкий, который открыто заявлял о своих намерениях как бывшему тогда в случае Павлу Негребецкому, перебравшемуся в Москву из Польши несколькими годами раньше, так и собору, рассматривавшему его дело в Крестовой палате: «Услышах, яко великий государь хочет на Москве учение заводити и академию устроить, и аз приехал учити»; «К Москве-де он приехал для того: слышал он, что великий государь на Москве хочет заводити школы, и он желал того, чтоб ему в тех школах быть учителем» (Цветаев 1888: 204, 216⁵). Можно спорить, рассчитывал ли Белобоцкий на место в Типографской школе или в еще только замысленной академии. Замечательно другое – то, что на него единодушно ополчились адепты как «латинского», так и «греческого» направления. «Латинствующие», в лице Негребецкого (который дополнительно ссылается на авторитет Гавриила Домецкого) и Медведева, выступили первыми. Белобоцкий, хотя он собирался принять крещение по православному обряду и даже иноческий постриг (в этом он признавался Негребецкому), развивал соблазнительные мысли о веротерпимости (о возможности спасения в недрах любой церкви), а потому представлял собой легкую мишень для критики. Важно вот что: цель адресованной царю челобитной Негребецкого заключалась лишь в том, чтобы дискредитировать самозваного учителя как «кацермистра» и примерно его наказать. Достоинно внимания, что профессиональная выучка обличаемого мало интересует обличителя: он озабочен лишь тем, что такой учитель, вместо наук, будет сеять плевелы своей ереси. Перед нами реликт глубокой воцерковленности древнерусской школы и ее экзотерической природы. Подобный ход рассуждений не остался незамеченным противной стороной, и Белобоцкий упрекнул гонителя, что тот ненавидит «ученых людей».

⁵ На с. 196-242 собраны все тексты, опровергающие религиозные взгляды Белобоцкого.

Челобитчику пришлось оправдываться. При этом он противопоставляет оппоненту-еретику сразу четырех своих знакомых из Речи Посполитой (троих духовного звания и одного мирянина) как достойных кандидатов на должность учителей московских высших школ. Об одном он, как выясняется, и раньше говорил князю Василию Федоровичу Одоевскому⁶. Интересно, что в отношении своих протеже Негребецкий не ограничивается гарантиями их благочестия, но считает нужным отметить искушенность каждого в науках: иные могут быть названы философами и богословами, а один из них, кроме того, выдающийся оратор («казнодей»). Менее эмоциональными были выступления Сильвестра Медведева и Евфимия Чудовского, запечатленные в подробном экстракте из соборных заседаний против Белобоцкого и в опровержении написанного нежеланным гостем по решению этого собора «Исповедания веры», где были тоже налицо все признаки религиозного вольнодумства. Кажется, данный комплекс текстов – единственный случай, когда обнаружилось единодушие мало симпатизировавших друг другу предводителей «латинского» и «греческого» направлений (см.: Strakhov 1998: 206-207). Совместными усилиями они разгромили «Исповедание веры» Белобоцкого, отыскав там приметы как католичества, так и лютеранства. О притязаниях того на место учителя в данном комплексе текстов более не говорится. Представители «греческой» партии выступали против Белобоцкого и позднее, но мы пока отложим разбор соответствующих их высказываний.

Что касается челобитной Негребецкого, то много точек соприкосновения с ней отыскивается в тексте «Привилия» на академию, поэтому предположение П. В. Седова о причинно-следственной связи между возникновением этого последнего памятника и приездом Белобоцкого кажется весьма правдоподобным (Седов 2008: 522). Разумеется, нельзя

⁶ Из четырех лиц, упоминаемых в челобитной и готовых, если верить Негребецкому, перебраться в Москву на учительские должности, оставил по себе след в литературе один только Иннокентий Монастырский (Харлампович 1914: 399-400).

исключить того, что какие-то наброски учредительного документа обсуждались еще при жизни Симеона Полоцкого, но едва ли можно сомневаться, что окончательную форму «Привилий» приобрел под пером Сильвестра Медведева⁷. Он рассчитывал сам возглавить академию и спешил оградить себя от конкурентов. С челобитной Негребецкого «Привилий» роднит исключительная нетерпимость к инакомыслящим и неслыханная жестокость в искоренении малейших отступлений от православной догматики и церковных обрядов. В то время как Негребецкий призывает царя еретические уклонения Белобоцкого «кровию его на нем изыскати», каждый второй параграф «Привилия» содержит распоряжения о сожжении провинившихся «без всякаго милосердия». С другой стороны, Медведев явно не сочувствовал планам Негребецкого привлечь на место учителей достойных представителей из «Литовские страны и из Малыя России» и призывал не доверять их клятвам о своем благочестии. Вообще заслуживает внимания тот факт, что «Привилий», хотя и написан от лица царя, лишь мимоходом упоминает о программе будущей академии, сосредоточиваясь исключительно на ее характеристике как цитадели истинной веры, бдительно оберегаемой учителями. Перед нами уставной документ учреждения церковного, хотя и не подведомственного патриарху, вроде «Верхней типографии» Симеона Полоцкого (сказывалась фронда тогдашнему патриарху Иоакиму). Более того, в каких-то вопросах «Привилий» узурпирует полномочия церковных иерархов, включая патриарха, признавая «блустителя» училища (надо разуметь – самого Медведева) и его учителей единственными экспертами по религиозной благонадежности любых приезжих иностранцев. Трудно не увидеть тут прямого намека на испытания, которым подвергнут был Белобоцкий. Еще одним камнем в огород Белобоцкого, частным образом обучавшего латинскому языку (Горфункель 1962: 191), могут

⁷ Исследование и издание «Привилия» и «Вручения Привилия» см.: (Фонкич 2009: 189-231).

быть сочтены те параграфы «Привилия», в которых запрещалась подобная практика и монополистом в распространении мирских наук, включая сюда иностранные языки, объявлялась будущая академия. Кстати, это также примета церковной природы будущей академии, пускай даже находящейся в ведении царя: учредители академии не могли допустить каких-либо неподконтрольных церкви умствований.

Связь «Привилия» с первым идейным разгромом Белобочкого в 1681 г. может быть показана и от противного. События шли своим чередом: царь Феодор Алексеевич умер, так и не открыв академии, Медведеву пришлось обратиться с лежавшим под спудом проектом к царевне Софье, по какому случаю он предпослал документу специально сочиненное стихотворное «Вручение Привилия». Но на дворе был уже 1685 г., поэтому и пафос «Вручения» коренным образом отличается от пафоса самого «Привилия». Если там внимание концентрировалось на стражах ортодоксии и вероотступниках, то здесь будущее училище восхвалялось как рассадник мирских наук:

И понос от нас хочещи отъяти,
Яко Россия не весть наук знати.

Завершая разговор об учредительных трудах Медведева, замечу, что писатель, привыкший к барочным тропам, посредством которых литератор уподоблялся священнослужителю и даже Демиургу, с легкостью оперирует термином «учитель», никак не отзываясь на его изменчивую смысловую окраску. А. Х. Горфункель предполагает, что именно Медведеву принадлежит правка в переводе с польского языка «Исповедания веры» Белобочкого, где, среди прочего, слово «профессор» заменено на «учитель» (Горфункель 1999: 120-121)⁸.

⁸ Наверное, это первый случай употребления термина «профессор» (см. еще ниже в переводе «Акоса» Лихудов). Ср.: (СРЯ, вып. 20: 273 (1699 г.)). В Литовской Руси термин, конечно, прижился раньше (ср.: Рыжов 2012: 80, 82).

«Латинствующие», в лице Сильвестра Медведева, как известно, проиграли «грекофилам» состязание за руководящий пост и учительские должности в академии. Инициатива перешла в руки патриарха Иоакима и главного идеолога «греческой» партии Евфимия Чудовского. В училище, пришедшем на смену Типографской школе, вели занятия греки, покровительствуемые Иерусалимским патриархам Досифеем «самобратия» Лихуды. Представители «греческого» направления, как увидим, были более чувствительны к оборотам в термине «учитель» и к селекции родственных ему слов, в сравнении с барочным полигистором Сильвестром Медведевым. Для начала укажем на бросающееся в глаза нестандартное словоупотребление, которое использовалось для обозначения членов педагогического корпуса Типографской школы, хотя ее, строго говоря, нельзя отнести к учреждениям «грекофилов» (о Типографской школе см.: (Фонкич 2009: 101-173)). Так вот, в канцелярских документах (тех, по крайней мере, что приведены в известность) иеромонах Тимофей и два других преподавателя (греки Мануил Миндилинский и иеромонах Иоаким) именуются не «учителями», но маркируются с помощью парафразы, например: «иеромонах Тимофей, которой учит учеников греческаго языка»⁹. Случайность здесь исключена, потому что термин благополучно восстанавливает права в тех документах, где не требуется указание имени («учителю три каракси»), а также в самоназваниях и во взаимных обращениях учителей. Объяснения данному явлению могут быть разные. Допускаю, что стремление избежать стандартного термина связано с расширенной программой обучения в школе иеромонаха, включавшей еще непривычные для москвитов мирские науки. Как бы то ни было, но применительно к братьям Лихудам с их курсами

⁹ Объяснение данной аномалии, предложенное в моей статье о братьях Лихудах (Буланин 2012), представляется мне теперь неудовлетворительным. Поначалу, когда Лихуды только приступили к работе в Богоявленской школе, их тоже называли запросто «иеромонахи Аникий и Софроний» (Фонкич 1988: 64-65).

«свободных наук» приказные служащие уже не усомнились использовать слово «учителя» и даже выражение «учителя высоких наук» (последнее похоже на кальку с какого-то иностранного языка, которую могли предложить «самобратия», не отличавшиеся скромностью)¹⁰.

О том, что близкие к академии «грекофилы» были все-таки довольно разборчивы в применении терминологии, обозначающей школьных наставников, позволяет судить дело, заведенное более десяти лет спустя после описываемых событий. Связано это дело с прибытием в Москву очередного эрудита из Малороссии Григория Алексеевича Скибинского, и оно во многом напоминает «теплую» встречу, которую, как мы видели, устроили в 1681 г. Белобоцкому. Скибинский прослушал курс наук в Риме, для чего вынужден был временно перейти в католичество, что было тогда для взыскующих наук среди украинцев стандартной процедурой. Явившись в русскую столицу, он зарабатывал на жизнь частными уроками и одновременно подал прошение патриарху, где изъявил желание вернуться в православие. Но тут нашла коса на камень, поскольку прошение Скибинского попало в руки «грекофила» Евфимия Чудовского, рьяного противника инфильтрации в русскую церковную жизнь латинских элементов. Намереваясь покончить с отступником раз и навсегда, Евфимий подготовил на него досье и разработанный до тонкостей сценарий будущего разоблачительного церковного собора, включая заключительный приговор, вложенный в уста патриарха Адриана. Хотя такое досье на Скибинского сохранилось в нескольких списках, в комплекте с собранной тем же Евфимием более солидной документацией на Петра Артемьева, уклонившегося в католицизм ученика Лихудов, с доносами, обличениями и соборными актами¹¹, – тем не

¹⁰ Фонкич 2009: 168. Ср. определение «муж свободных наук искусный», которое дает Федор Поликарпов Мануилу Миндилинскому (Историческое известие 1791: 296).

¹¹ Новейшую литературу об этом комплекте из двух дел, инспирированных Евфимием, которые были соединены в рукописях, как

менее, похоже, что собор на Скибинского не состоялся. Впрочем, для предмета нашего исследования это обстоятельство не имеет значения, важнее выяснить, что побудило чудовского старца обрушиться на ученого гостя.

Московский публицист, по всему судя, был раздражен тем, что Скибинский претендовал на место преподавателя Московской академии. Или ему примерещилось, что тот претендовал. Поскольку прямых обращений приезжего с подобными просьбами не зарегистрировано, приходится опираться на косвенные свидетельства. Во-первых, это тирада Евфимия. Призывая старцев будущего собора не верить в искреннее обращение Скибинского, он сравнивает лукавство нынешнего противника с лукавством Белобочко, который на самом деле рассчитывал стать академическим учителем, а теперь распространял свои вредные мысли в партикулярных занятиях и беседах («все тожде и мудрствует, и в розговорех все латинству учит, и прелщает и доднесь»). Здесь же, в числе рассадников латинства, публицист называет с осуждением еще одного воспитанника католической школы – Гедеона Одорского, который, по Евфимию, явился в Москву с той же целью, что и Белобочкий, стало быть, в расчете на пост академического преподавателя («яко и чернец Одорский, явленный, глаголют, схисматик (*на поле*: папешник), такового же ради прелщения семо прииде»)¹² (Соболевский 1914: 9¹³). Во-вторых, прошение к патриарху новоприбывший гость сопроводил «пунктами», где он перечислил, от каких православных догматов вынужден был отречься в Риме, привел имена своих зарубежных наставников и полностью выписал свой ученый титул на латинском и на русском языке: «философии и иных свободных наук доктор, святяга

видно, в качестве руководства для будущих инквизиторов, см.: (Словарь книжников, вып. 4: 473, 478).

¹² О Гедеоне Одорском см.: (Словарь книжников, вып. 3/4: 347-350) (авторы – А. А. Романова, В. В. Яковлев); (ПЭ, т. 10: 516) (автор – И. В. Жиленко).

¹³ На с. 6-21 опубликовано досье на Скибинского по списку ГИМ, Синодальное собр., № I.

богословии учитель свидетельствованный» (*philosophiam ac artium liberalium doctor, sacrae theologiae licentiatu*s); с указания этого же титула, добавляя в качестве самоназвания «смиранный ритор», Скибинский также начинает свое прошение (Соболевский 1914: 6-7; Панич 2012: 128-129).

Ключевым в приведенном пышном титуле является словосочетание «святых богословии учитель», потому что оно ясно показывает далеко идущие планы просителя – претензии на серьезную педагогическую должность и потому что именно оно вызвало бурю негодования со стороны Евфимия. Здесь нужно иметь в виду две стороны вопроса. Евфимий, как и прочие «грекофилы», хотя они и репродуцировали в учебном плане Московской академии программу иезуитов, упорно отказывались переносить на русскую почву обычное для католической церкви схоластическое богословие. Именно на этом заостряют внимание читателя составители «грекофильских» трактатов, доказывающих преимущества греческой образованности перед латинской¹⁴. Из-за поползновений со стороны Лихудов добавить в академии к начальным курсам какие-то начатки философии и богословия («забавляются около физики, философии») патриарх Досифей добивается их отстранения от педагогической работы в 1694 г. (Собрание 1788: 111). Аналогичным образом, и чудовский старец признает лишь то богословие, которое заключено в Священном Писании, в то время как католики «противно бо евангельскому богословию ... вредословствуют». Но публицисту, не интересующемуся профессиональными знаниями Скибинского (правда, Евфимий настаивает, чтобы тот показал свои дипломы – «грамматы»), претит и сам термин «учитель» применительно к нечестивцу, что акцентируется с помощью замысловатой стилистической фигуры, создающей контраст через нагнетение однокоренных слов: «И каков есть учитель, таково и учение, и таково учившихся и мудрование. У православных учителей

¹⁴ Исследование и издание трактатов см.: (Фонкич 2009: 232-267). Главный из трактатов с уверенностью атрибутируют тому же Евфимию.

учившихся учеников православно и учение; а у еретиков учившихся, у яковых Скибинский учия, еретическое и учение и таково учеников и мудрование».

В глазах чудовского старца сочетание в предложенной иноземцем самоаттестации термина «учитель» с уточнением предмета обучения – «богословия» создавало кумулятивный пейоративный эффект. Вывод однозначен: «Не подобает ему нарицаться и писаться учителем святяга богословии», причем осужденному возбраняется, без специального разрешения, заниматься и частной педагогической практикой. Называть себя «учителем» на Руси было рискованно, тем паче «философом» и «богословом». Об этом, конечно, знали те, кто успел натурализоваться в Московском государстве, как, например, знакомый уже нам Белобоцкий к 1685 г., когда ему, успевшему к тому времени принять православие, пришлось участвовать в новом диспуте религиозного свойства. На сей раз, противниками его были только что прибывшие в Москву Лихуды. Если верить их рассказу в написанном позднее полемическом сочинении «Акос» (к сожалению, верить «самобратиям» можно не всегда), Белобоцкий, находясь в замешательстве, «поведа, яко непричастен есть феологии, сиречь богословии, аще и прежде нашего пришествия семо проповедоваше сам себе философии и феологии профессора (на поле: «народоучителя»)» (Цветаев 1888: 241).

Возвращаемся к семантике слова «учитель» и ее оттенкам. Мы рассмотрели несколько примеров, демонстрирующих определенные ограничения в применении термина. Не всякий преподаватель мог именоваться учителем, *conditio sine qua non* для обозначения этим словом педагога было его благочестие¹⁵. Полагаю, что для большей

¹⁵ Использование термина «учитель» применительно к технологическим процессам в положительном смысле Максимом Греком («О грамматике») и Андреем Курбским (предисловие к «Диалектике» Иоанна Дамаскина), если учесть обособленное положение того и другого в рамках современной им московской культуры, лишь подчеркивает нестандартность такого словоупотребления (Ягич 1885-1895: 594-595; БЛДР, т. 11: 570-583).

убедительности выводов полезно проверить словоупотребление сходных по смыслу слов, особенно в рассматриваемую эпоху. Не все термины обладают в интересующем нас аспекте одинаковой информативностью, особенно заимствованные. Например, вошедшее в XVII в. в моду слово «дидаскал», использовавшееся как *terminus technicus* применительно к русским учителям, встречается, однако, и как обозначение должности при восточном патриархе (Тимошина 2010: 620 (письмо Арсения Суханова 1649 г.))¹⁶. Самые интересные результаты дает экскурс в употребление слова «мастер», которое с определенной точки зрения находится по отношению к слову «учитель» на противоположном полюсе. Хотя у нас и отсутствовали в прошлом цехи и гильдии европейского типа, слово «мастер» имело в древнерусском лексиконе значение, очень близкое к тому, какое у него было в западных языках. То есть, мастер – это человек, достигший в своей области определенной сноровки, которая соответствует стандарту, установленному его товарищами по ремеслу и окружающим обществом (ср. в «Псковской судной грамоте», гл. 39, 102). В Древней Руси люди духовного звания и даже те, кто были близки к церкви, никогда не назывались «мастерами». Постулируя, что распространение грамотности в Древней Руси, а в значительной степени и книжная культура в целом, находились в ведении церкви, мы тем самым предполагаем, что термин «мастер» в этой сфере не употреблялся. Проникновение его в обиход книжников свидетельствует о набирающей силы автономии книжного дела, а потом и образовательных институтов, более не ассоциирующихся с религией. Можно сказать, что узаконение термина «мастер» в школьных учреждениях тождественно утрате термином «учитель» его конфессиональной эксклюзивности.

Наш вывод находится в противоречии с общепринятой точкой зрения, согласно которой в средневековой Руси существовала отдельная профессия «мастеров грамоты»

¹⁶ Ср.: (ПЭ, т. 14: 662-663) (автор – А. Г. Бондач).

(Демков 1899: 62-69; Каптерев 1915: 32-58; ПдЭ, т. 2: 728-729¹⁷; Очерки 1989: 48-50). При ближайшем знакомстве с материалом выясняется, что это очередной миф, родившийся в результате экстраполяции практики, существовавшей в императорской России, на первые столетия после ее крещения. Ввиду столь серьезных расхождений с историографией, имеет смысл перечислить те немногие факты, которые лишь на первый взгляд противоречат нашему тезису. Как явствует из ссылок всех без исключения историков педагогики, приписывая процедуру обучения грамоте мастеру, они опираются всего лишь на два источника – известное обращение к митрополиту Новгородского архиепископа Геннадия 1504 г. и «Стоглав» (РФА, ч. 2: 328-331; Емченко 2000: 285-287)¹⁸. При этом, к сожалению, игнорируется несколько сопутствующих моментов. Прежде всего, в том и в другом документе, особенно в первом, обучение у «мастера», в адрес которого Геннадий не жалеет бранных слов («мужики невежи», которым требуют все новые и новые «поминки опроче могорца»), рассматривается как порочная практика, от которой авторы текста призывают церковное начальство избавить русское духовенство, организовав училища. Мало того, в «Стоглаве» обучение у «мастеров», порождающее поголовное невежество всех церковных чинов, квалифицируется как прискорбное нововведение, отражающее упадок нравов: чтобы восстановить благочиние, следует организовать училища (пускай даже семейного типа), которые возродят растерянные русской церковью давние традиции (о несоответствии истории измышлениям по поводу традиций сказано в начале настоящей статьи). Тогда бессовестные «мастера» будут не нужны. Что еще надлежит помнить, обсуждая названные

¹⁷ Автор – А. И. Рогов.

¹⁸ Противоречие, сравнительно с содержанием гл. 25-26 «Стоглава», обнаруживаем в гл. 89, где говорится о «книжных училищах» и подвигающихся там «мастерах» как о существующих уже в жизни фактах (Емченко 2000: 396). По-видимому, в этих разночтениях отразилась незавершенная работа над композицией памятника.

памятники – это то, что Геннадий описывает ситуацию в новгородских землях, которые всегда отличала местная специфика; хотя о составителях «Стоглава» ничего достоверно не известно, велика вероятность, что в работе над его правилами тоже принимали преимущественное участие выходцы из Новгорода¹⁹. Наконец, выше уже констатировалось, что «Стоглав» представляет собой сочинение пропагандистского характера, а не официальный свод церковных установлений, намеченных к реализации.

Казалось бы, больше предпосылок, чтобы попасть в разряд «мастеров», имели писцы книг, поскольку многие из них были мирянами. Удивительным образом, но и здесь наши данные до предела скудны. Единственным известным мне ранним свидетельством по этому поводу остается запись в «Паренесисе» Ефрема Сирина XIII в. (РНБ, собр. Погодина, № 71а), «строенном» Петром, тиуном Владимира Васильковича, князя Волынского. Там сказано, что писец «строяшетъ» книгу, «милуя мастера», – выражение, нужно признаться, не вполне ясное (СК, вып. 1: 644-646). Молчание источников по поводу «мастеров»-книгописцев тем более удивительно, что, если верить соответствующей главе «Стоглава» (гл. 28), копирование книг на продажу – «по городом», то есть, надо понимать, профессионалами-мирянами, было поставлено в XVI в. на широкую ногу. Замечательно при этом, что иконописцев, тоже мирян, составители памятника последовательно называют «мастерами» (гл. 43) (Емченко 2000: 287-288, 319-322). Аналогично и приказное словоупотребление. Точно так, по старинным сочинениям²⁰ и по приказным документам не видно никаких ограничений в применении термина «мастер» в отношении корифеев

¹⁹ Замечательно, что «книжные писцы» включены в длинный перечень «мастеров» еще в одном новгородском памятнике XVI в. – послании благовещенского священника Сильвестра Анфиму, которым завершается «Домострой» (БЛДР, т. 10: 210).

²⁰ См., например, «Предисловие, откуда и от кого времени начаса быти в нашей Рустей земли осмогласное пение» (Рогов 1973: 42, 43, 44).

церковного певческого искусства²¹. С другой стороны, широкое распространение по Руси монастырей стимулировало с XV в. интенсивнейшее развитие монастырского книгописания. Существуют не очень ясные указания, что некоторые, по крайней мере, монастырские писцы могли совмещать работу по копированию рукописей, с обучением отроков (грамоте? письму?). Так, новгородский игумен Дионисий Шестник в записи на Минее 1438 г. (РНБ, Софийское собр., № 191), в этикетном заявлении о возможных своих ошибках, указывает на не вполне стандартную причину этих ошибок – «или с другом глаголя, или дети уча» (Гранстрем 1953: 64). Даже если перед нами не вариация писцовой формулы, такого рода ситуация не могла регулярно воспроизводиться, потому что присутствие в монастыре отроков считалось нарушением режима²². Интереснее, чем запись Дионисия, часто цитирующийся рассказ из Жития Мартинаиана Белозерского. Рассказ отражает реалии XVI в., когда было написано Житие, хотя фигурирующие в нем персонажи – сам святой и обучающий его грамоте Олешка Павлов (Палкин) – лица исторические, жившие на сто лет раньше. Мартинаиана, рассказывается в Житии, по просьбе Кирилла Белозерского, учил грамоте «человек некий ..., имя ему Олеше Палков, Алексей Павлов, дяк мирьский. Дело его беяше книги писати и учити ученикы грамотныя хитрости, и зело искусен сый таковому художество деланию» (Шевченко 2014: 216). Здесь интересно то, что этот писец и наставник отроков, не принявший пострига, был все-таки в качестве монастырского дяка тесно связан с Белозерской обителью, среди кодексов которой сохранилось пять полностью или

²¹ См. особенно пометы не известного по имени дяка – профессионального распевщика в кн.: (Парфентьев 1991: 103) (здесь же производный термин – «мастерство»).

²² См., например, в Уставе Евфросина Псковского: «Детей малых не примати в обитель, еже учити их книгам» (Амвросий 2001: 50).

частично копированных его рукой²³. Примечательно, что при всем том Олешка нигде и ни разу не назван «мастером».

Получается, что книжная культура вообще и овладение грамотой, в частности, занимали особое место в системе ценностей человека Древней Руси. По-видимому, это место определялось не только неотделимостью от конфессии (ибо в таком отношении книжная культура не отличалась от иконописи и церковного пения), но и загадочной природой языковых знаков как таковых. Именно этим я объясняю превращение терминов «учитель» и «мастер» в антонимы культурного обихода, когда речь заходит об описании любых манипуляций с книгами и в первую очередь, когда говорится про обучение грамоте. По меньшей мере, в пределах до XVI в. Разрушение баланса тут, как и в других областях культуры, наблюдаем в XVII в., тогда же, когда вызревал и воплощался проект московских высших школ. В переходный век везде происходит одно и то же – новое переплетается со старым, как мы это наблюдали уже в конфликтах и прениях тех, кто стремился контролировать первые шаги Московской академии, и даже в их лексических предпочтениях. Налаженное издание букварей можно считать сигналом начавшейся десакрализации процессов чтения и письма. Теперь обучение этим премудростям для кого-то стало «промыслом»: «...промысел ево учить детей словесному» (Апостолов 1974). За первым шагом последовали и другие. Сохранилась роспись 1664 г. того, что надлежало нарисовать в «потешной книге» для царевича Алексея Алексеевича. В числе других, тут фигурируют и такие сюжеты: «Дети учатся грамоте. Дети пред мастером стоят. Дети мастеру кланяются» (Забелин 2014: 694)²⁴. И все же, по правде сказать, подобные примеры не слишком впечатляют, если вспомнить, что в XVII в. в Московской Руси интенсивно развивались все

²³ Об этих рукописях см.: (Шибает 2013: 141-158). Последнюю из числа многочисленных гипотез о личности и духовном чине Олешки см.: (Шибает 2016).

²⁴ Нельзя исключить, что какие-то термины (в том числе «мастер») заимствованы в данном случае из иностранных источников.

ремесла, что она перенимала тогда от иноземцев новые и новые профессиональные навыки и что в этом контексте слово «мастер» стало одним из самых ходовых (Тимошина 2010: 662; Рыжов 2012: 95-97). Если же говорить о педагогической сфере, интересно, что обучение иностранным языкам в утилитарных целях, в особенности, тем языкам, которые не обладали статусом неприкосновенности, как славянский и греческий, тоже могло производиться «мастером». Например, Полуект Зверев учил татарский язык у «мастера» Девлет абыз Меликова, рассчитывая стать переводчиком Посольского приказа (Демидова 1994: 155) (об этом ученике см.: (Беляков 2017: 103)). Или еще «мастер иноземец» Иоганн Понциус на рубеже 1670-1680-х гг. обучал латинскому и «цесарскому» языкам (Седов 2008: 520; см. еще: РГАДА, ф. 143, оп. 2, № 1222, 1229). Тожественным образом «мастером» назывался наставник по «цифирному делу» (Рыжов 2012: 93). А разговор о дистрибуции парных слов «учитель» и «мастер» удобно закончить ссылкой на «Пропозиции» Федора Салтыкова (1712-1713 гг.), где термин «мастер» уже полностью вытесняет из текста свой традиционный коррелят (гл. 7: «О школах и о монастырях»), но где одновременно узаконивается, в качестве своего рода компенсации, термин «мастеровой» (гл. 5: «О мастеровых всяких людех и промышленниках») (Тиханов 1891: 18-19, 20-26).

Картина русских педагогических учреждений переходного периода, разумеется, была бы более красочной, если бы, помимо пары ключевых терминов, связанных с учебным процессом («учитель» и «мастер»), мы привлекли и другую лексику того же семантического поля²⁵. Смею все же надеяться, что мой экскурс, указывающий на дополнительную дистрибуцию двух семантически родственных слов, какая существовала в Древней Руси и слабые отзвуки которой различимы вплоть до петровской эпохи, не совсем бесполезен.

²⁵ В качестве образца подобного исследования, правда, ограничивающегося древнейшей эпохой, сошлюсь на соответствующую главу в кн.: (Львов 1975: 319-343).

Теперь мы лучше понимаем религиозную опору дошкольного периода русской грамотности, лучше различаем следы первых робких попыток укоренить элементарные школы грамотности и даже приближаемся к тому, чтобы распутать клубок страстей, который завертелся в конце XVII в. в связи с организацией московских высших школ.

Автор: Буланин Дмитрий Михайлович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (наб. Макарова, 4, 199034, Санкт-Петербург, Россия). dmitriibulanin@yandex.ru

Литература, использованная в статье**

Амвросий 2001 – Древнерусские иноческие уставы: Амвросий (Орнатский). Уставы российских монастырначальников / Сост. Т. В. Суздальцева. М.: «Северный паломник», 2001. 292 с.

Апостолов 1974 – *Апостолов А. Г.* Школа, образование и учебная книга в России в XVII в. // Советская педагогика. 1974. № 4. С. 103-111.

Беляков 2017 – *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа: 1645-1682 гг. СПб.: «Нестор-История», 2017. 368 с.

БЛДР, т. 10 – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: «Наука», 2000. Т. 10. 618 с.

БЛДР, т. 11 – Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: «Наука», 2001. Т. 11. 684 с.

Буланин 1986 – *Буланин Д. М.* Несколько параллелей к главам III-IV Жития Константина-Кирилла // Кирило-Методиевски студии. София: Издателство на Българска Академия на науките, 1986. Кн. 3. С. 91-107.

Буланин 2012 – *Буланин Д. М.* У истоков классического образования в Москве: (Памятник братьям Лихудам) // *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 1: Slavistik im Dialog – einst und jetzt.* Göttingen: Bonn University Press, 2012. С. 159-186.

** К сожалению, я не имел возможности учесть важную статью, посвященную обстоятельствам казни Павла Негребецкого: *Биргегорд У.* Почему казнили Павла Негребецкого? // *Slověne.* 2020. Vol. 9. № 1. С. 232-260.

Виктор 1865 – *Виктор (Рождественский В. П.), священник.* Об изданиях для народа. М.: Синодальная тип., 1865. 72 с.

Володихин 1993 – *Володихин Д. М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1993. 210 с.

Горфункель 1962 – *Горфункель А. Х.* Андрей Белобоцкий – поэт и философ конца XVII – начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188-213.

Горфункель 1999 – *Горфункель А. Х.* «Исповедание веры» Яна (Андрея) Белобоцкого // *Palaeoslavica*. 1999. Vol. 7. С. 116-135.

Гранстрем 1953 – *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей (Государственной публичной библиотеки). Л., 1953. 132 с.

Демидова 1994 – *Демидова Н. Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею профессора русской истории Н. Б. Голиковой. М.: «Археографический центр», 1994. С. 152-167.

Демков 1899 – *Демков М. И.* История русской педагогики. Ч. 1: Древнерусская педагогика (XI-XVII вв.). 2-е изд., испр. СПб., 1899. 310 с.

Емченко 2000 – *Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и текст. М.: «Индрик», 2000. 496 с.

Живов 2004 – *Живов В.* Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: «Новое литературное обозрение», 2004. 360 с. (= Научное приложение. Вып. 42).

Живов 2017 – *Живов В. М.* История языка русской письменности. В 2 т. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1. С. 1-816; Т. 2. С. 817-1286.

Забелин 2014 – *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1056 с.

Историческое известие 1791 – Историческое известие о Московской академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова и дополненное преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1791. Ч. 16. С. 295-306.

История 1995 – История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1: Проза. СПб.: «Дмитрий Буланин»; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. 316 с. (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 13/73).

Каптерев 1914 – *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад: Изд. книжного магазина М. С. Елова, 1914. IV+567+X с.

Каптерев 1915 – *Каптерев П. Ф.* История русской педагогики. 2-е изд., пересмотр. и доп. Пг.: «Земля», 1915. XXII+746 с.

Лукичев 1983 – *Лукичев М. П.* К истории школьного образования в России в XVII веке // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси:

(Малоисследованные проблемы и источники). М.: Академия педагогических наук СССР, 1983. С. 84-88.

Лукичев 2004 – *Лукичев М. П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М.: «Древлехранилище», 2004. 536 с.

Львов 1975 – *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М.: «Наука», 1975. 368 с.

Миропольский 2006 – *Миропольский С. И.* Очерк истории церковно-приходской школы от ее возникновения на Руси до настоящего времени. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. 406 с.

Мошкова 2013 – *Мошкова Л. В.* Конфессиональный компонент в славянской литературе для начального обучения XVI-XVII вв. // Западноевропейская и российская учебная литература XVI - начала XX вв.: (Конфессиональный аспект). М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. С. 74-115 (= Фундаментальные исследования Института истории педагогики Российской Академии образования. Труды 2008-2012 гг.).

Очерки 1989 – Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М. «Педагогика», 1989. 480 с.

Панич 2012 – *Панич Т. В.* Две редакции соборного определения по делу Григория Скибинского: (Материалы к биографии писателя) // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI-XX вв. Новосибирск, 2012. С. 110-134 (= Археография и источниковедение Сибири. Вып. 30).

Парфентьев 1991 – *Парфентьев Н. П.* Древнерусское певческое искусство в духовной культуре Российского государства XVI–XVII вв.: Школы. Центры. Мастера. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1991. 254 с.

ПдЭ, т. 2 – Педагогическая энциклопедия. В 4 т. М.: «Советская энциклопедия», 1965. Т. 2. 912 стб.

Преподобный Димитрий Прилуцкий 2018 - Преподобный Димитрий Прилуцкий: Житие и служба / Изд. С. А. Семячко, Ф. В. Панченко. Вологда, 2018. 384 с.

ПЭ, т. 10 – Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. 752 с.

ПЭ, т. 14 – Православная энциклопедия. М.: «Православная энциклопедия», 2006. Т. 14. 752 с.

Рогов 1973 – Музыкальная эстетика России XI-XVIII веков / Сост. А. И. Рогов. М.: «Музыка», 1973. 244 с.

РФА, ч. 2 – Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / Подгот. А. И. Плигузов и др. М., 1987. Ч. 2. С. 221-457.

Рыжов 2012 – *Рыжов А. Н.* Генезис педагогических понятий в России в XI-XX вв. М.: «Прометей», 2012. 300 с.

Седов 2008 – *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. 608 с.

СК, вып. 1 – Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии: XIV век. Вып. 1: (Апокалипсис-Летопись Лаврентьевская). М.: «Индрик», 2002. 768 с.

Словарь книжников, вып. 3/4 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3: XVII в. Ч. 4: Т-Я. Дополнения. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. 896 с.

Словарь книжников, вып. 4 – Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 4: Указатели. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2017. 896 с.

Соболевский 1892 – *Соболевский А. И.* Образованность Московской Руси XV-XVII веков. СПб.: Тип. А. М. Вольфа, 1892. 26 с.

Соболевский 1914 – *Соболевский А. И.* Сочинения Григория Скибинского // Чтения ОИДР. 1914. Кн. 2. Отд. II. С. 1-274.

Собрание 1788 – Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Изд. Ф. Туманский. СПб.: Печатано у И.-К. Шнора, 1788. Ч. 10. 300 с.

СРЯ, вып. 20 – Словарь русского языка XI-XVII вв. М.: «Наука», 1995. Вып. 20. 288 с.

Тимошина 2010 – *Тимошина Л. А.* «Греко-славянские школы» и русская жизнь XVII в. // Очерки феодальной России. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. Вып. 14. С. 558-699.

Тиханов 1891 – Пропозиции Федора Салтыкова / С предисл. П. Н. Тиханова. СПб., 1891. XXVII+36+30 с. (= ПДП. Вып. 83).

Фонкич 1988 – *Фонкич Б. Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987 г. М.: «Наука», 1988. С. 61-70.

Фонкич 2009 – *Фонкич Б. Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: «Языки славянских культур», 2009. 296 с.

Харлампович 1914 – *Харлампович К.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань: Изд. книжного магазина М. А. Голубева, 1914. Т. 1. XXIV+878+LXVI с.

Цветаев 1888 – *Цветаев Д.* Памятники к истории протестантизма в России. М.: Изд. ОИДР, 1888. Ч. 1. XXII+246 с.

Шевченко 2014 – Преподобный Мартиниан, Белозерский чудотворец / Подгот. Е. Э. Шевченко. СПб.: «Пушкинский Дом», 2014. 410 с.

Шibaев 2013 – *Шibaев М. А.* Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века: Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2013. 560 с.

Шibaев 2016 – *Шibaев М. А.* Дьяк Олешка Павлов и книгописное дело в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XV века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 56-62.

Ягич 1885-1895 – *Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб.: Отделение РЯС имп. АН, 1885-1895. Т. 1. С. 324-609.

Bushkovitch 1992 – *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 278 p.

Keipert 2009 – *Keipert H.* Die «Knabenlese» Vladimirs des Heiligen – eine angelsächsisch-skandinavische Reminiszenz? // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 2009. Bd 66. S. 37-60.

Mertz 1898 – *Mertz G.* Die Pädagogik der Jesuiten nach den Quellen von der ältesten bis in die neueste Zeit. Heidelberg: C. Winter's Universitätsbuchhandlung, 1898. 192 S.

Podskalsky 1988 – *Podskalsky G.* Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453-1821): Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. München: C. H. Beck Verlag, 1988. XIV+440 S.

Podtergera 2006 – *Podtergera I.* Zum lateinischen Hintergrund der Moskauer “Gräkophilie” in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Iter philologicum: Festschrift für H. Keipert zum 65. Geburtstag.* München: Verlag Otto Sagner, 2006. S. 139-156 (= Die Welt der Slaven, Sammelbd 28).

Strakhov 1998 – *Strakhov O. B.* The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620-1705). Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1998. 350 S. (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 26).

Information about the article

Author: Bulanin Dmitri Mihajlovich – Doctor of Philological Sciences, main research fellow of the Institute of History of Saint Petersburg State University, main research fellow of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of Russian Academy of Sciences (4, Makarova nab., Saint Petersburg, 199034, Russia). dmitriibulanin@yandex.ru

Title: “Teacher” – the word to designate profession or piety? (“Children from Nobles’ Families” of Prince Vladimir and their Fate in pre-Petrine Rus).

Summary: The book was considered in Old Russia as an organic element of church life, therefore the separation of technological procedures (reading and writing) from the contents of the handwritten codex used to be marked as something blasphemous. This is the reason why starting from antiquity (cf. the story of “Tale of Bygone Years” about Prince Vladimir, who picked children “for book learning”), there existed none of the correctly organized school in Russia - there were neither the schools of the Latin type nor of the Byzantine type. The literacy was spread implicitly - in the course of acquaintance with the contents of Psalter and the Book of Hours. Surely there was no place reserved for special verbal arts. Cultural stereotypes of this kind turn out to be extremely stable, so that relict phenomena demonstrating the inseparability of school disciplines from the confession persist until the transitional era. Their echoes can be identified in the intrigues that accompanied the opening of the Moscow Academy at the end of the 17th century. One of the bearers of the tradition proves always to be the

vocabulary. The article traces certain terms from Old Russian relating to the process of learning literacy - the designations that have been used to point the regulators of this process. It turns out that in cultural life, throughout the medieval period, the words “teacher” and “master” were opposed as the antonyms. The first of the words was associated with piety, usually only the bearer of the spiritual title could have been recognized as a “teacher”, and the unmotivated use of the term might provoke a sharp protest. As for the word “master”, devoid of sacred connotations, the people carefully avoided to use it in relation to the teacher of reading and writing abilities (the article also explains rare exceptions to the general rule that occur in sources no earlier than the 15th century). Contrary to the historiographical myth, there were no institutionalized post of “master of literacy” in Old Russia.

Keywords: book, reading, writing, school, academy, piety, denomination, teacher, confessor, master of literacy.

References (transliteration)

Drevnerusskie inocheskie ustavy: Amvrosiy (Ornatskiy). Ustavy rossiyskikh monastyrenachal'nikov [The Monks' Charters of Old Rus: Ambrosius (Ornatsky). The Charters of Old Russian Monasteries' Founders]. Moscow, Severnyy palomnik Publ., 2001. 292 p. (In Russian).

Apostolov A. G. Shkola, obrazovanie i uchebnaya kniga v Rossii v XVII v. [Schools, Education and Textbooks in Russia in the 17th Century]. *Sovetskaya pedagogika*. 1974, no. 4, pp. 103-111. (In Russian).

Belyakov A. V. *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza: 1645-1682 gg.* [The Employees of Foreign Affairs Department: 1645-1682]. St.Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 368 p. (In Russian).

Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of Old Russian Literature]. St.Petersburg, Nauka Publ., 2000. Vol. 10. 618 p. (In Russian).

Biblioteka literatury drevney Rusi [Library of Old Russian Literature]. St.Petersburg, Nauka Publ., 2001. Vol. 11. 684 p. (In Russian).

Bulanin D. M. Neskol'ko paralleley k glavam III-IV Zhitiya Konstantina-Kirilla [Several Analogies to the chapters III-IV of the Vita of Constantine-Cyrill]. *Kirilo-Methodievski studii*. 1986, vol. 3, pp. 91-107. (In Russian).

Bulanin D. M. U istokov klassicheskogo obrazovaniya v Moskve: (Pamyatnik brat'yam Likhudam) [Back to the Origins of Classical Education in Moscow: (Statue to Leichoudes Brothers)], in: *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftlichen Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag. Teil 1: Slavistik im Dialog – einst und jetzt*. Göttingen, Bonn Univ. Press, 2012, pp. 159-186. (In Russian).

Viktor (Rozhdestvenskiy V. P.), svyashchennik. *Ob izdaniyakh dlya naroda* [About the Editions for the Folk]. Moscow, Sinod Typography, 1865. 72 p. (In Russian).

Volodikhin D. M. *Knizhnost' i prosveshchenie v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Book Culture and Learning in Moscow State in the 17th Century]. Moscow, Moscow City Archive Union's Publ., 1993. 210 p. (In Russian).

Gorfunkel' A. Kh. Andrey Belobotskiy – poet i filosof kontsa XVII – nachala XVIII v. [Andrew Belobotsky, the Poet and the Philosopher of the End of the 17th to the Beginning of the 18th Century]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Studies of Old Russian Literature Department]. 1962, vol. 18, pp. 188-213. (In Russian).

Gorfunkel' A. Kh. «Ispovedanie very» Yana (Andreya) Belobotskogo [“Confessio fidei” of Jan (Andrew) Belobotsky]. *Palaeoslavica*. 1999, vol. 7, pp. 116-135. (In Russian).

Granstrem E. E. *Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisey (Gosudarstvennoy publichnoy biblioteki)* [Description of Russian and Slavonic Parchment Manuscripts (in State Public Library)]. Leningrad, 1953. 132 p. (In Russian).

Demidova N. F. Prikaznye shkoly nachal'nogo obrazovaniya v Moskve XVII v. [Ministries' Primary schools in Moscow in the 17th Century], in: *Torgovlya i predprinimatel'stvo v feodal'noy Rossii: K yubileyu professora russkoy istorii N. B. Golikovoy*. Moscow, Arkheograficheskiy tsentr Publ., 1994, pp. 152-167. (In Russian).

Demkov M. I. *Istoriya russkoy pedagogii. Ch. 1: Drevnerusskaya pedagogiya (XI-XVII vv.)* [The History of Russian Pedagogy. Part 1: Old Russian Education (from the 11th to 17th Century)]. St.Petersburg, 1899. 310 p. (In Russian).

Emchenko E. B. *Stoglav: Issledovanie i tekst* [Hundred Chapters' Composition: The Study and the Publication]. Moscow, Indrik Publ., 2000. 496 p. (In Russian).

Zhivov V. *Iz tserkovnoy istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy* [Episodes from the Church History at the Time of Peter the Great: Studies and Materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 360 p. (= Academic Addition, vol. 42). (In Russian).

Zhivov V. M. *Istoriya yazyka russkoy pis'mennosti* [The History of the Language of Russian Writing]. In 2 vols. Moscow, Dmitriia Pozharskii Univ., 2017. Vol. 1, pp. 1-816; vol. 2, pp. 817-1286. (In Russian).

Zabelin I. *Domashniy byt russkikh tsarey v XVI i XVII stoletiyakh* [The Home Life of Russian Tsars in the 16th and 17th Centuries]. Moscow, Institute of Russian Civilization, 2014. 1056 p. (In Russian).

Istoricheskoe izvestie o Moskovskoy akademii, sochinennoe v 1726 godu ot spravshchika Fedora Polikarpova i dopolnennoe preosvyashchennym episkopom Smolenskim Gedeonom Vishnevskim [The Historical Information about the Moscow Academy, Composed in 1726 by the Corrector Theodoros Polikarpov and Supplemented by Gedeon Vishnevsky, the Reverend Bishop of Smolensk], in: *Drevnyaya rossiyskaya vivliofika*. Moscow, 1791, vol. 16, pp. 295-306. (In Russian).

Istoriya russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury: Drevnyaya Rus'. XVIII vek. T. 1: Proza [The History of Russian Translated Fiction Literature: Old Russia. The 18th Century. Vol. 1. The Prose]. St.Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ.; Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 1995. 316 p. (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 13/73). (In Russian).

Kapterev N. F. *Kharakter otnosheniy Rossii k pravoslavnomu Vostoku v XVI i XVII stoletiyakh* [The Specific Features of the Relations between Russia and the Orthodox East in the 16th and the 17th Centuries]. Sergiev Posad: Bookshop M. S. Elov Publ., 1914. IV+567+X p. (In Russian).

Kapterev P. F. *Istoriya russkoy pedagogii* [The History of Russian Pedagogy]. Pertograd, Zemlya Publ., 1915. XXII+746 p. (In Russian).

Lukichev M. P. K istorii shkol'nogo obrazovaniya v Rossii v XVII veke [To the History of School Teaching in Russia in the 17th Century, in: *Prosveshchenie i pedagogicheskaya mysl' Drevney Rusi: (Maloissledovannye problemy i istochniki)*. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences of USSR, 1983, pp. 84-88. (In Russian).

Lukichev M. P. *Boyarskie knigi XVII veka. Trudy po istorii i istochnikovedeniyu* [Boyars' Books of the 17th Century. Studies in the History and Sources Search]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2004. 536 p. (In Russian).

L'vov A. S. *Leksika "Povesti vremennykh let"* [The Vocabulary of the "Tale of Bygone Years"]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 368 p. (In Russian).

Miropol'skiy S. I. *Ocherk istorii tserkovno-prikhodskoy shkoly ot ee vozniknoveniya na Rusi do nastoyashchego vremeni* [Essays on the History of the Parish School from its Origin in Russia up to the Present]. Moscow, Orthodox Saint Tichon Univ. of Humanities, 2006. 406 p. (In Russian).

Moshkova L. V. Konfessional'nyy komponent v slavyanskoy literature dlya nachal'nogo obucheniya XVI-XVII vv. [The Confessional Component in Slavic Literature for Elementary Teaching of the 16th-17th Centuries], in: *Zapadnoevropeyskaya i rossiyskaya uchebnaya literatura XVI - nachala XX vv.: (Konfessional'nyy aspekt)*. Moscow, IET Publ., 2013, pp. 74-115 (= Fundamental Studies of the Institute for Education History of Russian Academy of Education. Studies of 2008—2012). (In Russian).

Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR s drevneyshikh vremen do kontsa XVII v. [Essays on the History of the School and Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR from Ancient Times to the End of the 17th Century]. Moscow, Pedagogika Publ., 1989. 480 p. (In Russian).

Panich T. V. Dve redaktsii sobornogo opredeleniya po delu Grigoriya Skibinskogo: (Materialy k biografii pisatelya) [Two Versions of the Council Decisions on the Case of Grigory Skibinsky: (Materials for the Biography of the Writer)], in: *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI-XX vv.* Novosibirsk, Siberian Dept. of Russian Academy of Sciences, 2012, pp. 110-134 (= Manuscripts and Sources Studies of Siberia, vol. 30). (In Russian).

Parfent'ev N. P. *Drevnerusskoe pevcheskoe iskusstvo v dukhovnoy kul'ture Rossiyskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Shkoly. Tsentry. Mastera* [Old Russian Vocal Art in the Spiritual Culture of the Russian State of the 16th-17th Centuries: Schools. Centers. Masters]. Sverdlovsk, Ural State Univ., 1991. 254 p. (In Russian).

Pedagogicheskaya entsiklopediya [Encyclopedia of Pedagogy]. In 4 vols. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, Vol. 2. 912 cols. (In Russian).

Prepodobnyy Dimitriy Prilutskiy: Zhitie i sluzhba [Reverend Dimitry Prilutsky: Vita and Church Service]. Ed. S. A. Semyachko, F. V. Panchenko. Vologda, 2018. 384 p. (In Russian).

Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2005. Vol. 10. 752 p. (In Russian).

Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaya entsiklopediya Publ., 2006. Vol. 14. 752 p. (In Russian).

Muzykal'naya estetika Rossii XI–XVIII vekov [Aesthetics of the Music Art in Russia of the 11th-18th Centuries]. Ed. A. I. Rogov. Moscow, Muzyka Publ., 1973. 244 p. (In Russian).

Russkiy feodal'nyy arkhiv XIV – pervoy treti XVI veka [Russian Feudal Archive of the 14th - first third of the 16th Century]. Ed. A. I. Pliguzov et al. Moscow, 1987. Vol. 2. Pp. 221-457. (In Russian).

Ryzhov A. N. *Genezis pedagogicheskikh ponyatiy v Rossii v XI–XX vv.* [The Genesis of the Pedagogical Terms in Russia in the 11th-20th Centuries]. Moscow, Prometey Publ., 2012. 300 p. (In Russian).

Sedov P. V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka.* [The Sunset of the Moscow Kingdom: The Royal Court by the End of the 17th Century]. St.Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 608 p. (In Russian).

Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii: XIV vek. Vyp. 1: (Apokalipsis-Letopis' Lavrent'evskaya) [The United Catalogue of Slavonic and Russian Manuscript Books Preserved in Russia, the CIS and Baltic Countries: the 14th Century. Vol. 1: (Apocalypse-Lavrentiev Chronicle)]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 768 p. (In Russian).

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rus [Dictionary of Old Russian Writers and Writings]. St.Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2004. Vol. 3. 896 p. (In Russian).

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi [Dictionary of Old Russian Writers and Writings]. St.Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017. Vol. 4. 896 p. (In Russian).

Sobolevskiy A. I. *Obrazovannost' Moskovskoy Rusi XV–XVII vekov* [Education of Muscovite Russia of the 15th-17th Centuries]. St.Petersburg, Ed. by A. M. Vol'f Typography, 1892. 26 p. (In Russian).

Sobolevskiy A. I. *Sochineniya Grigoriya Skibinskogo* [Works by Grigory Skibinsky], in: *Chteniya O IDR*, 1914, no. 2, section II, pp. 1-274. (In Russian).

Sobranie raznykh zapisok i sochineniy, sluzhashchikh k dostavleniyu polnogo svedeniya o zhizni i deyaniyakh gosudarya imperatora Petra Velikogo

[A Collection of Different Notes and Essays that Serve to Deliver Complete Information about the Life and Deeds of the Emperor Peter the Great]. Ed. by F. Tumanskiy. St.Petersburg, I.-K. Shnor Typography, 1788. Vol. 10. 300 p. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of Russian Language of the 11th-17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1995. Vol. 20. 288 p. (In Russian).

Timoshina L. A. "Greko-slavyanskije shkoly" i russkaya zhizn' XVII v. ["Greek and Slavonic Schools" and the Life in Russia in the 17th Century], in: *Ocherki feodal'noy Rossii*. Moscow; St.Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2010. Vol. 14, pp. 558-699. (In Russian).

Propozitsii Fedora Saltykova [The Suggestions by Theodoros Saltykov]. With the Foreword by P. N. Tikhanov. St.Petersburg, 1891. XXVII+36+30 p. (= PDP. Vol. 83). (In Russian).

Fonkich B. L. Novye materialy dlya biografii Likhudov [New Materials to the Biography of the Leichoudes Brothers], in: *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Yearbook for 1987*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 61-70. (In Russian).

Fonkich B. L. *Greko-slavyanskije shkoly v Moskve v XVII veke* [Greek and Slavonic Schools in Moscow in the 17th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009. 296 p. (In Russian).

Kharlampovich K. *Malorossiyskoe vliyanie na velikoruskuyu tserkovnuyu zhizn'* [Ukraine Influence on the Church Life of Russia]. Kazan', Ed by M. A. Golubev Bookshop, 1914, vol. 1. XXIV+878+LXVI p. (In Russian).

Tsvetaev D. *Pamyatniki k istorii protestantstva v Rossii* [The Monuments to the History of the Evangelic Church in Russia]. Moscow, Ed by OADR, 1888. Vol. 1. XXII+246 p. (In Russian).

Prepodobnyy Martinian, Belozerskiy chudotvorets [Reverend Martinian, the Wonderworker of the White Lake]. Ed. By E. E. Shevchenko. St.Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2014. 410 p. (In Russian).

Shibaev M. A. *Rukopisi Kirillo-Belozerskogo monastyrya XV veka: Istoriko-kodikologicheskoe issledovanie* [Manuscripts from the Kirillo-Belozersky Monastery in the 15th Century: Historical and Codicological Research]. Moscow; St.Petersburg, Al'yans-Arkheo Publ., 2013. 560 p. (In Russian).

Shibaev M. A. D'yak Oleshka Pavlov i knigopisnoe delo v Kirillo-Belozerskom monastyre v pervoy polovine XV veka [The Clerk Oleshka Pavlov and Book Writing in the Kirillo-Belozersky Monastery in the First Half of the 15th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series. 4*. 2016, vol. 21, no. 4, pp. 56-62. (In Russian).

Yagich I. V. *Rassuzhdeniya yuzhnoslavyanskoy i russkoy stariny o tserkovno-slavyanskom yazyke* [Dissertations of South Slavic and Russian Antiquity on the Church Slavonic Language], in: *Issledovaniya po russkomu yazyku*. Saint Petersburg, ed. by Otdelenie RYaS of Imperial Academy of Sciences, 1885-1895. Vol. 1, pp. 324-609. (In Russian).

Bushkovitch P. *Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1992. 278 p.

Keipert H. Die "Knabenlese" Vladimirs des Heiligen – eine angelsächsisch-skandinavische Reminiszenz? [Is Saint Vladimir's "Book Teaching of the Boys" an Anglo-Saxon or Scandinavian Reminiscence?], in: *Zeitschrift für slavische Philologie*, 2009. Vol. 66, pp. 37-60. (In German).

Mertz G. *Die Pädagogik der Jesuiten nach den Quellen von der ältesten bis in die neueste Zeit* [The Pedagogical System of the Jesuits According to the Sources from the Very Beginning up to the Last Time]. Heidelberg, ed. by C. Winter's Universitätsbuchhandlung, 1898. 192 p. (In German).

Podskalsky G. *Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453-1821): Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens* [The Greek Theology at the Time of the Turkish Rule (1453-1821): The Orthodox Church under the Influences of the Post-Reformed Churches of the West]. München, C. H. Beck Publ., 1988. XIV+440 p. (In German).

Podtergera I. Zum lateinischen Hintergrund der Moskauer "Gräkophilie" in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts [The Latin Background of the Moscow "Grecophiles" in the Second Half of the 17th Century], in: *Iter philologicum: Festschrift für H. Keipert zum 65. Geburtstag*. München, Otto Sagner Publ., 2006, pp. 139-156 (= Die Welt der Slaven, Sammelbd 28). (In German).

Strakhov O. B. *The Byzantine Culture in Muscovite Rus': The Case of Evfimii Chudovskii (1620-1705)*. Köln; Weimar; Wien, Böhlau Publ., 1998. 350 p. (= Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe A: Slavistische Forschungen. N. F. Bd 26).

The paper submitted on 15.10.2019

The paper is admitted for publication on 01.03.2020